

Начальник отряда изначально хотел пригласить его пожить у себя дома — дом начальника отряда был лучшим во всем отряде, но Господин Ци отказался. Во время еды он настаивал на том, чтобы оплачивать продовольственными талонами и талонами на масло. Он не выставлял себя высокомерно, каждый день с блокнотом и ручкой расспрашивал о различных делах на улицах деревни. Это касалось не только семей Лян и Цюй, но и других житейских мелочей. Сельчане относились к нему очень хорошо, и после первых дней новизны стали воспринимать его как своего. В основном потому, что парень не задирает нос, был очень приветливым и энергичным.

Собрав все данные, Господин Ци отправился с блокнотом в поселок. В это время Лян Цзивэнь бегал по деревне с Чжань Цзюцзяном и другими детьми, когда услышал, что семью Цюй Хэ арестовали. Лян Цзию хотел пойти посмотреть, но Лян Цзивэнь не разрешил ему. Чжань Цзюцзян, обычно любивший подшучивать над Лян Цзивэнем, на этот раз молчал и ничего не делал, даже, вопреки обыкновению, заставил всех пробежать несколько дополнительных кругов.

На следующий день на собрании осуждения семьи Цюй Хэ собралась огромная толпа. Члены семьи Цюй Хэ не умели находить общий язык с людьми и часто доставляли неприятности местным жителям. Их сделали примером для острастки, не только бывшие подчиненные Цуй Дапао, чтобы показать свою позицию, жестоко унижали их, но и многие сельчане бросали в них камни, пытаясь забить насмерть.

Лян Цзивэнь наблюдал издали. Кто-то предложил им подняться на сцену и устроить им мучения, но Дедушка Лян отказался и не позволил младшим членам семьи сделать это. Семья Лян смотрела на это с сложными чувствами. Если бы письмо не пришло вовремя, возможно, сегодня на сцене была бы их семья.

Цюй Хэ в толпе сразу заметил Лян Цзивэня. Его лоб был разбит камнем, и он смутно смотрел в сторону Лян Цзивэня. У него не было такого острого зрения, чтобы разглядеть выражение лица Лян Цзивэня. Он с недоумением думал, как он оказался на этой сцене? Это был не первый раз, когда он здесь стоял. В детстве он был здесь, когда его дядя казнил крупных помещиков и богачей, но тогда он был злорадствующим наблюдателем, а сегодня — презираемым участником.

«Бам!» — еще один камень ударил его, и он наклонил голову, не глядя на человека, который стоял перед ним, указывал на него пальцем и бил его, хватая за воротник. Он помнил этого человека. Два года назад он помогался его дочери, и этот человек не посмел сказать ни слова, а сегодня у него появилась смелость! Его взгляд перешел к его отцу, который вместе с дядей смотрел на него с ненавистью и злобой. Не нужно было смотреть на взгляды бабушки и тети, кроме матери, он не думал, что кто-то будет смотреть на него спокойно.

В ушах все еще звучали слова его деда: «Ты, скотина, если бы я знал, что ты вырастешь таким, я бы задушил тебя в день твоего рождения!»

Тогда он в замешательстве повернулся к отцу, но тот сразу ударил его по лицу. Его тетя и дядя, один лежа на кровати, другой сидя у кровати, холодно смотрели на него. Его бабушка даже хотела порвать с ним отношения, чтобы избежать беды. Его мир перевернулся за несколько дней. Он считал, что должен ненавидеть Лян Сысы и Лян Тин, это они! Если бы они не соблазнили его, он бы не оказался в таком положении! Но в глубине души слабый голос спрашивал: «Действительно ли это их вина?» Он не знал и не хотел знать.

Собрание осуждения длилось пять часов, и только когда все разошлись, семья Лян вернулась

домой. Чжань Цзюцзян держал Лян Цзивэня за руку, на его лице не было радости или облегчения. Он опустил голову и позволил Лян Цзивэню вести его домой.

Лян Цзию прыгал рядом со взрослыми, выглядел возбужденным. На лицах Лян Сысы и Лян Тин тоже читалось облегчение.

На полпути Чжань Цзюцзян внезапно остановился. Лян Цзивэнь повернулся и спросил:

— Что случилось?

Чжань Цзюцзян молчал. Лян Цзию тоже начал проявлять беспокойство, но Чжань Цзюцзян продолжал молчать, опустив голову. Внезапно Лян Цзивэнь почувствовал, что ладонь, в которой он держал руку Чжань Цзюцзяна, стала влажной. Он поднял подбородок Чжань Цзюцзяна и посмотрел на него, не говоря ни слова.

Чжань Цзюцзян смотрел на него сквозь слезы, его черные глаза, омытые слезами, казались особенно чистыми и влажными. Он пошевелил губами и с трудом произнес:

— Лян Цзивэнь, мне плохо.

Голос Чжань Цзюцзяна был ни громким, ни тихим. Все остановилось. Улыбки и радость с лиц Лян Сысы и Лян Тин исчезли, они опустили головы, взрослые тоже выглядели озабоченными. Дедушка Чжань уже собирался заговорить, когда Лян Цзивэнь сказал:

— Тогда плачь, у меня есть платок.

И тогда Чжань Цзюцзян разрыдался.

«Уа-а-а!» — на этот раз это был не тихий плач, а полный силы вопль.

Это было из-за сухости? Нет. Из-за сожаления? Нет. Из-за боли? Нет. Из-за жалости? Нет. Из-за облегчения? Также нет. Но вроде бы было все это сразу. Он плакал, заливаясь слезами, не обращая внимания на окружающих. Вокруг никого не было, и Чжань Цзюцзян плакал изо всех сил. Лян Сысы и Лян Тин тоже заразились его плачем, слезы текли по их лицам, Лян Цзию тоже присоединился. Взрослые тоже не могли сдержать слез.

Лян Цзивэнь обнял Чжань Цзюцзяна. Тот плакал так, что его голос охрип, слезы на его щеках высохли на ветру, но лицо потрескалось, глаза опухли, словно грецкие орехи. Платок Лян Цзивэня не помог, слезы и сопли остались на его одежде.

Лян Цзивэнь посмотрел в сторону давно исчезнувшего эшафота, его взгляд устремился вдаль. Сам не зная, о чем думает.

Чжань Цзюцзян плакал до тех пор, пока не устал, и заснул на плече Лян Цзивэня. Папа Лян, переживая за рану на спине Лян Цзивэня, взял Чжань Цзюцзяна к себе на спину.

Они вернулись домой, Чжань Цзюцзян продолжал спать. Только перед ужином Лян Цзивэнь разбудил его. Чжань Цзюцзян проснулся, почувствовал неловкость, поел и ушел в свою комнату.

Днем он много спал, поэтому ночью начал буйнить. Ему было жаль Лян Цзию и Лян Цзихэна, которые уже крепко спали, поэтому он стал донимать Лян Цзивэня.

— Лян Цзивэнь, я не могу уснуть, поболтай со мной, — Чжань Цзюцзян перевернулся и обнял

Лян Цзивэня, его белые нежные ножки просунулись между ног Лян Цзивэня.

Это была его врожденная особенность, он был южанином, и даже зимой у него были ледяные руки и ноги. Лян Цзивэнь долго грел его, но он снова перевернулся, и все усилия пропали зря.

— О чем говорить? — Лян Цзивэнь знал, что тот просто ищет повод, но все равно подыгрывал ему. Он закрыл глаза, слегка повернулся и обнял его, правой ногой потирая его ногу, заодно засунув его руку себе под одежду.

— Не знаю, ты придумай, — Чжань Цзюцзяну стало щекотно от его ноги, и он начал беспокойно водить рукой по спине Лян Цзивэня, сам хихикая. — Лян Цзивэнь, какая у тебя хорошая кожа!

Кожа Лян Цзивэня, обветренная и загорелая, была немного грубой, но его мышцы были твердыми, не слишком объемными, но упругими и крепкими.

— Тогда я расскажу тебе историю...

— Уважаемые ученики, доброе утро... — школьный громкоговоритель начал транслировать ежедневное сообщение. Чжань Цзюцзян вскочил с кровати, натянул на себя одежду, подтянул брюки, схватил со стола зубную щетку и кружку, быстро, но тщательно почистил зубы.

Умываясь, он наслаждался водой, которую Лян Цзивэнь подогрел для него, но при этом не забывал жаловаться:

— Почему ты опять меня не разбудил!

Хотя сам умолял Лян Цзивэня разрешить ему поспать еще пять минут, но, проснувшись, с чистой совестью сваливал вину на Лян Цзивэня.

Лян Цзивэнь закатил глаза, безжалостно растрепал его волосы еще сильнее и, несмотря на сердитый взгляд Чжань Цзюцзяна, совершенно не обращал на него внимания.

— Быстро-быстро, помоги мне причесаться! — Чжань Цзюцзян, умывшись, увидел, что Лян Цзивэнь все еще сидит и спокойно читает книгу, и побежал к нему. Они приехали в поселок, чтобы учиться в старшей школе, и жили в школьном общежитии. Условия были не самые лучшие: в комнате жили восемнадцать человек, и каждое утро превращалось в катастрофу. Чжань Цзюцзян любил поспать, а Лян Цзивэнь вставал рано и готовил все для него, чтобы тот мог спокойно проснуться.

<http://bllate.org/book/16557/1510975>